

УДК 323.14(477.75)

А. Б. Швец

Риск политизации этничности в Крыму

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», г. Симферополь
e-mail: fusion10@mail.ru

Аннотация. В статье изложены результаты изучения пространственных маркеров процесса политизации этничности крымских этносов. Анализируется влияние славянского и тюркского социокультурных проектов на появление противоречий в славяно-тюркском межэтническом диалоге в Крыму. Обосновывается необходимость учета фактора этнического раскола в среде крымских татар для характеристики современных межэтнических противоречий в Крыму. Выделены территории, маркирующие на Крымском полуострове ареал социокультурной напряжённости.

Ключевые слова: этничность, риск, конфликт, география, Крым.

Введение и постановка проблемы

Этничность как наиболее доступное и эмоционально сильное средство политической мобилизации народов и дезинтеграции их контактов активно использовалась субъектами политического пространства Крыма в период его административного вхождения в состав Украины. Подтверждение этому обнаруживается в процессе анализа противоречий, сложившихся на полуострове в конце XX – начале XXI века между двумя доминирующими этническими группами: славянами, представленными русскими, и тюрками в лице крымских татар. Иные представители славян находились либо в состоянии политического партнёрства с тюрками, как это случилось с украинцами Крыма, либо занимали нейтральную позицию в процессе противостояния двух этносов. Причинами противостояния стала политизация социокультурных проектов русской и крымскотатарской этнических групп, которая осуществлялась партиями, общественными движениями, а также органами этнического самоуправления крымских татар в процессе формирования политического пространства украинского Крыма.

Суть «Русского (славянского) проекта» заключалась в патронате корневой системы русской этничности в Крыму, что предполагало сохранение русского языка и контактов с Россией, целостности мира православной веры и культуры, уникальности крымской автономии, построенной по территориальному, а не этническому принципу. Вместе с тем, этот проект не исключал возможности выхода Крыма из украинского государства и создания союза с Украиной и Россией по образцу бывшего СССР. Организационно проект был проявлен в программных документах многочисленных пророссийских политических партий правого и центристского спектра, появившихся в Крыму после развала Советского Союза, а информационно и финансово в последние годы он аккумулировался в общественной организации «Фонд “Москва–Крым”».

Отличительной чертой Русского проекта была идея «крымской русской идентичности» [11]. Её разделяли не все крымские общественные организации и партии прорусского спектра, считая, что появление «крымских русских» неоправданно раскалывает единство русского этноса в Крыму. Сторонники же идеи существования «крымских русских» считали, что анклавный характер развития русского этноса в Крыму сформировал феномен региональной идентичности «крымских русских». Для этой группы характерно особое отношение к понятию Родина. В сознании крымских русских оно совпадает с их малой родиной – Крымом [5]. При всей спорности идеи крымской русской идентичности, появление этого компонента в русском проекте оживляло его и фокусировало внимание на особенности русского населения полуострова, позволявшую ему иметь право на собственное место в истории Крыма.

«Крымскотатарский (тюркский) социокультурный проект», подобно русскому, был нацелен на сохранение уникальности культурного наследия крымских татар, их языка и религии. Вместе с тем, проект был направлен на сохранение особенности крымских татар не только среди славянских народов Крыма, но и среди тюрков и всех других татар (волжских, к примеру). Он соотносил этногенез крымских татар с древними народами Крыма: таврами, скифами, готами, а отнюдь не с Золотой Ордой и потомками Чингизидов [22]. Такая трактовка уникальности своей этнической группы формировала в среде крымских татар представление о необходимости получения «уникального» статуса «коренного народа» Крыма и обретения на этой основе собственной этнической государственности. Идея обретения государственности – мощнейшее объединительное начало крымских татар.

В одном из первых документов крымскотатарского национального движения – «Декларации о национальном суверенитете крымско-татарского народа», принятом на II Курултае крымских татар в 1991 году, – указывалось: «Крым является национальной территорией крымскотатарского народа, на которой только он обладает правом на самоопределение так, как оно изложено в международных правовых актах, признанных мировым сообществом. Политическое, экономическое, духовное и культурное возрождение крымскотатарского народа возможно только в его суверенном национальном государстве. К этой цели будет стремиться крымскотатарский народ, используя все средства, предусмотренные международным правом» [7].

После появления этого документа в Крыму был создан меджлис – исполнительный орган народного собрания крымских татар – Курултая, – юридически не зарегистрированный украинской властью до настоящего времени. Во всех административных районах полуострова сформировалась разветвлённая система региональных меджлисов. Появилось Духовное управление мусульман Крыма (ДУМК), находившееся под влиянием меджлиса, но неподотчётное Духовному управлению мусульман Украины (ДУМУ), а в настоящее время не вошедшее ни в один из действующих мусульманских центров Российской Федерации. По сути, в Крыму была создана политическая инфраструктура мобилизации этничности крымских татар, которая после воссоединения Крыма с Российской Федерацией потеряла легитимность, но не каналы информационно-психологического влияния на крымских татар.

Существование двух социокультурных проектов в этнической среде Крыма актуально и после его вхождения в состав Российской Федерации. Изменилось общественное восприятие этих проектов. В настоящее время они не рассматриваются как конфронтационные. Русский проект преобразуется в российский, предполагающий приобщение к ценностям российской идентичности представителей всех групп полиэтничного крымского социума. После принятия принципиально важного для крымских татар закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов Крыма», подписанного президентом России 21 апреля 2014 года, появилась надежда на то, что крымские татары, отказавшись от идеи построения национального государства в Крыму, проявят готовность выработать новую объединительную идею: «Крымские татары – это россияне!» Об актуальности такой трансформации заявило межрегиональное общественное движение «Къырым», позиционирующее себя альтернативой запрещенного за экстремизм меджлиса крымскотатарского народа [20]. С позицией «Къырыма» резко не согласны члены меджлиса, которые привыкли выступать от имени всех крымских татар. Сформировав своеобразное «правительство в изгнании», меджлис не снимает в своей деятельности призыва к созданию этнического государства в Крыму. С подачи лидеров меджлиса на Украине педальруется идея придания статуса «коренного народа» крымским татарам. Расчет сделан на то, что, обосновав «коренной» статус крымскотатарского народа в международных организациях, лидеры меджлиса обоснуют незаконность референдума 2014 года о воссоединении Крыма с Россией. Ведь правом проведения референдума может обладать лишь коренной народ – крымские татары. Конфронтационность социокультурных проектов славянского и тюркского этносов возрождается из-за пределов Крымского полуострова.

Риск мобилизации этничности как следствие конфронтации между российским и крымскотатарским социокультурными проектами имеет пространственный аспект. Его смысл заключается в существовании территориальных особенностей возникновения межэтнической напряженности и конфликтности. Целью статьи стало рассмотрение вариантов поиска пространственных маркеров возникновения межэтнической напряженности и конфликтности в Крыму, для предупреждения возможного разрастания этих негативных тенденций в развитии полиэтничного региона.

Обзор ранее выполненных исследований

Следствием политизации этничности являются конфликты или столкновение противоборствующих сторон, которые могут развиваться по «консенсусному» или «раскольному» типу. Поиск пространственных маркеров причин возникновения конфликтов обоих типов приводит к выводу, что основной причиной появления конфликтов, связанных с этничностью, является этнический раскол. Исследование сущностного содержания этнических расколов пришло в отечественную общественную географию из политологии. В политологии проблематика этнического раскола появилась после вооруженных конфликтов, возникших на территориях национальных окраин бывшего Советского Союза. По мнению А. С. Ахиезера, раскол предполагает максимальное дистанцирование

конфликтующих сторон, непримиримость их позиций, разрушительность для общества последствий такого дистанцирования [9]. Упомянутый автор утверждал, что раскольная форма конфликта мало изучена на микрорегиональном уровне и требует усилий специалистов различной научной квалификации.

В зарубежной политологии, преимущественно североамериканской, ко второй половине XX в. был накоплен достаточный банк данных для изучения этнических конфликтов раскольного типа. Одним из популярнейших исследований в этой сфере стала книга Дональда Хоровица «Этнические группы в конфликте» [28]. В этом издании впервые представлен алгоритм возникновения этнического конфликта и введено понятие «политизации групп раскола», которые возникают в этнических коллективах под влиянием различных ценностных установок. Проблема этнического конфликта приобретала в трактовке Д. Хоровица социокультурный характер. Причина этнического раскола определялась как результат противоборства людей, имеющих различия в системе ценностей. Ценностная мотивация этнического конфликта была расширена Льюисом Кризбергом, который предлагал считать конфликтом «любое отношение между двумя и более сторонами, которые уверены в том, что имеют несовместимые цели» [29, с.17].

Отечественные географы обратились к проблематике изучения этнической конфликтности в конце 1990-х годов, когда была создана «первая в своём роде база данных по актуализированным и латентным этнотерриториальным конфликтам» [17, с. 288]. В последствии работы О. Б. Глезера [4], В. А. Колосова [16], Н. С. Мироненко, А. С. Денисенцева [21; 22], В. Н. Стрелецкого [26], Р. Ф. Туровского [27] создали теоретическое обрамление новому направлению исследований – геоконфликтологии, в котором этнические конфликты получили пространственные варианты объяснения причинности, последствий, типологических особенностей и возможностей регулирования.

Проблемой исследования этнических конфликтов в Крыму занимаются представители широкого круга гуманитарных наук. Их работы можно условно разделить на те, которые исследуют этнические конфликты в системе культурно-исторической – В. Э. Абдураимова [1], А. И. Айбабин, А. Г. Герцен, И. Н. Храпунов [2], В. Г. Зарубин [8] и геополитической причинности – В. Э. Григорьянца [6], Н. В. Киселёвой [13], С. Н. Киселёва [11; 12], А. Е. Кислого [15], А. Р. Никифорова [24; 25], А. В. Мальгина [18; 19]. В упомянутых работах фиксируются цели и содержание этнических и конфессиональных процессов в различные исторические периоды развития Крыма, отмечаются субъекты этнических противоречий и те мифологемы, которые создают неоднозначное поле их общественного восприятия. Вместе с тем крымские авторы, приведённые выше, не изучали взаимосвязи между частотой появления этнических противоречий и теми регионами Крыма, где они возникали. Как показывает опыт специального отслеживания пространственной динамики возникновения этнической напряжённости, существует определенная территориальная зависимость между местом и причинами возникновения протестных форм поведения людей, проживающих в Крыму.

Методика исследования

Базовым методом изучения пространственных маркеров процесса политизации этничности является мониторинг конфликтности, зафиксированной в средствах массовой информации (СМИ). В процессе мониторинга следует различать понятия «конфликт» и «конфликтность». Под *конфликтностью* автор понимает инвариантное состояние общественной системы, испытывающей трансформацию базовых ценностей. Конфликт есть результат указанной трансформации, проявленный в общественном мнении или поведении людей. Изучение конфликтности проводилось по двум сферам: *ценностной*, где учитывались все случаи межэтнической и межконфессиональной напряжённости, а также *ресурсной*, куда включались случаи несанкционированных захватов земельных участков, имевшие высокую степень актуальности в процессе обустройства крымских татар, вернувшихся из депортации. Земельные конфликты были отнесены нами к социально-экономическим.

Конфликтность в Крыму имеет высокую степень политизации, что связано с его исторически обусловленной полиэтничностью, где каждый этнос имеет свою мифологию происхождения, укоренённости, места в истории. Разработанная автором методика паспортизации конфликтов позволила ему совместно с А. Н. Яковлевым и Д. А. Вольхиным проанализировать на уровне городских и сельских поселений, а также административных районов Республики Крым и г. Севастополя в динамике за значительный промежуток времени все случаи конфликтного поведения.

В паспорте конфликта указывается место его локализации, степень выраженности (высокая, средняя, низкая), зависящая от частоты конфликтных проявлений на заданный промежуток времени, выясняется характер конфликта (*затухающий, стабильный, нарастающий*). Определяется степень разрешённости конфликта (*резонансные*, т. е. имеющие продолжение в публикациях средств массовой информации; *решаемые*, иными словами – находящиеся на стадии принятия решений в органах власти; *латентные* – перешедшие в скрытую, нерешаемую на данный период времени стадию). Для Крыма географическая классификация и типология конфликтов проведена впервые.

Результаты и обсуждение

Первый очевидный результат нашего исследования заключается в том, что в период нахождения Крыма в административной системе Украины в пределах Большой Алушты, Симферополя, Старого Крыма, Судака, Большой Ялты, Феодосии, а также Бахчисарайского, Симферопольского, Белогорского муниципальных районов Республики Крым ***сформировался ареал устойчивого проявления конфликтности*** (рис. 1). В его пределах можно заметить предгорную (Бахчисарайский, Симферопольский, Белогорский муниципальные районы с городами Симферополем, Старым Крымом) и приморскую части (с городскими территориями Севастополя, Большой Ялты, Алушты, Судака, Феодосии). Предгорье выделяется преобладанием случаев конфликтности межэтнонационального характера, а приморская – социально-экономического или

земельно-имущественного, связанного со случаями самовольного захвата земельных участков.

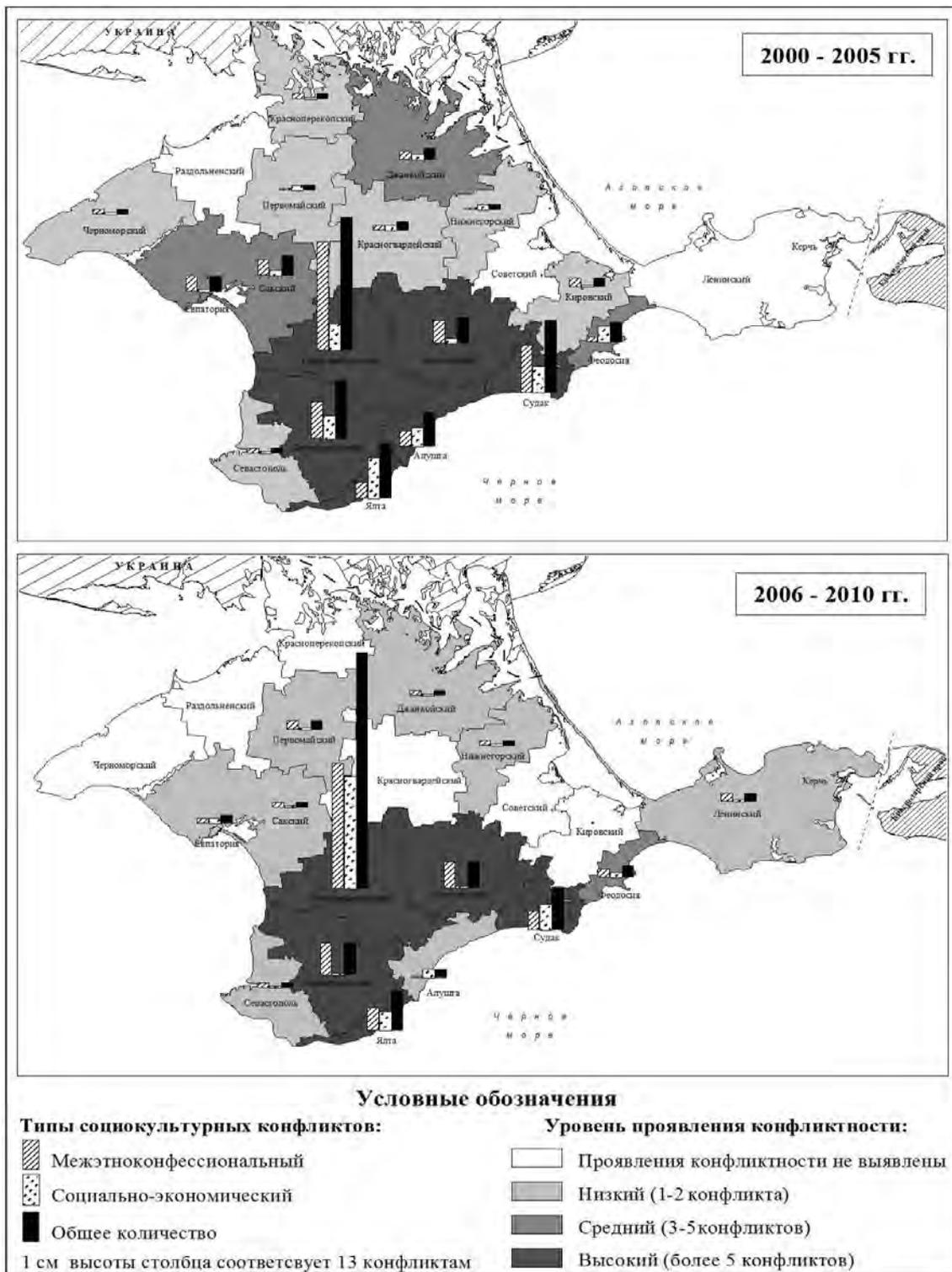

Рис. 1. Динамика локализации конфликтности в Крыму (2000–2010 гг.)
Выполнили А. Б. Швец, А. Н. Яковлев

В число межэтноконфессиональных конфликтов автором отнесены все случаи манифестации крымскими татарами в региональном или общекрымском масштабах требования об осуществлении их права на национальную автономию, проводившиеся в форме массовых митингов, шествий, «полян протеста», перекрытия дорог, блокирования работы органов управления, а также случаи осквернения мусульманских и христианских кладбищ, поджогов мечетей или церквей, появление оскорбительных для крымских татар и других народов надписей на фасадах зданий, а также крайне редкие случаи «ритуальных убийств», в которых психическое нездоровье убийц, как, впрочем, и принадлежность их к радикальным исламским организациям, были не доказаны.

В пределах ареала устойчивого проявления конфликтности только за десятилетие 2000–2010 гг. было отмечено 226 межэтноконфессиональных и социально-экономических конфликтов, что составило 87,6 % их общего количества в этот временной интервал. Две трети конфликтов указанного десятилетия перешли впоследствии в латентную фазу, как и большинство крымских конфликтов. Десятилетие 2000–2010 гг. выбрано автором не случайно. Начало нового столетия совпало с изменением роли меджлиса крымских татар в организации его взаимодействия с властями Украины и Крыма. Это период, когда меджлис из органа исполнительной власти Курултая окончательно превращается в альтернативную властным структурам организацию, несмотря на отсутствие у него официально узаконенного статуса в украинском государстве [14], и стремится на конкретных случаях конфронтации с властью и мобилизации этничности крымских татар показать масштабы своего влияния. Количество протестных акций, имеющих этнический характер, в первое десятилетие XXI века устойчиво увеличивалось по сравнению с 1990-ми годами, когда большинство крымских татар было сориентировано на обустройство после депортации и проявляло основную активность в сфере самозахватов земельных участков вблизи крупных крымских городов (см. табл. 1).

Таблица 1.

Динамика проявлений конфликтности в Крыму

Годы	Общее количество конфликтов	Межэтноконфессиональные	Социально-экономические
1990	18	5	13
1991	11	2	9
1992	20	0	20
1993	12	0	12
1994	6	3	3
1995	10	2	8
1996	4	4	0
1997	5	5	0
1998	8	8	0
1999	18	18	0
2000	15	7	8
2001	13	10	3

2002	7	4	3
2003	24	14	10
2004	36	31	5
2005	40	23	17
2006	18	15	3
2007	30	13	17
2008	32	15	17
2009	29	22	7
2010	14	9	5
2011	34	23	11
2012	35	22	13
2013	40	24	16
2014	58	48	10
Всего	538	352	186

Расчитано автором по материалам СМИ

Действия меджлиса с начала 2000-х годов приобрели сугубо политическую окраску. Стремясь мобилизовать этничность крымских татар, меджлис ввёл практику подкрепления их любых требований противоправными действиями, ведя параллельно переговоры с властями. Эта практика сохранялась вплоть до первой половины 2014 года, отличаясь лишь степенью радикализации протестных акций. Весь период своего «легального» существования в Крыму меджлис так и не смог предложить крымским татарам проект их интеграции в мультикультурную структуру крымского регионального сообщества. До момента своего запрета в российском Крыму эта организация продолжала этноцентристскую практику, не отказалась от «Декларации о национальном суверенитете крымских татар», не признала итоги крымского референдума 2014 года, обрекая тем самым крымских татар на сегрегацию, вызывая у большинства населения Крыма чувство недоверия по отношению к этой этнической группе.

Ещё одним результатом нашего исследования следует считать вывод о том, что ***пространственные границы ареала устойчивого проявления конфликтности совпадают в Крыму с территориями, имеющими демографический ресурс для мобилизации этничности.*** Речь идет о том, что административные территории, сформировавшие ареал устойчивого проявления конфликтности, имели по результатам Всеукраинской переписи населения 2001 г. повышенную долю крымских татар по сравнению с их этническим присутствием в других районах Крыма. Всеукраинская перепись населения 2001 г. отметила, к примеру, в Белогорском административном районе максимальную для Крыма величину удельного веса крымских татар в общей численности населения этого региона – 29,2 % [3]. Этническое лидерство среди крымских татар сохранилось в Белогорском муниципальном районе и по результатам переписи населения в Крымском федеральном округе 2014 г. (рис. 2). По результатам федеральной переписи Белогорский муниципальный район – единственная территория Крыма, где доля крымских татар составляет более трети населения (31,3 %)¹.

¹ – здесь и далее цифры приведены по материалам переписной статистики.

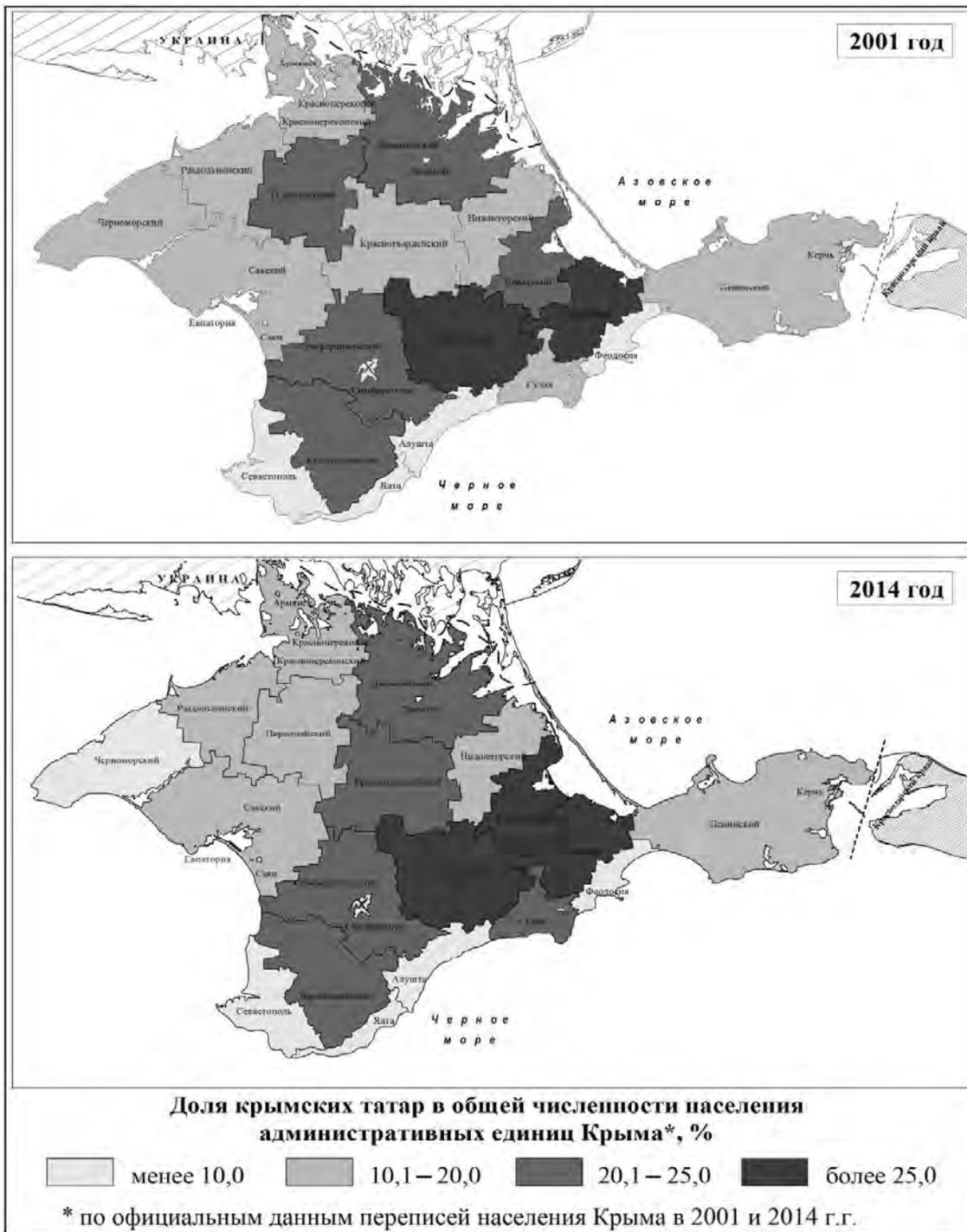

Рис. 2. Распределение крымскотатарского населения в Крыму
 Выполнила А. Б. Швец по [3; 10]

Этническая концентрация крымскотатарского населения в предгорной части Крымского полуострова сложилась в процессе внутренних миграций конца 1990-х годов. В 2000 г. доля внутрирегиональных перемещений в Крыму была максимально высокой и составляла более половины общего потока мигрантов. В

Крыму происходил процесс передела ландшафтной среды жизнедеятельности крымских этносов, который не завершён до настоящего времени.

Традиционно различные народы Крыма культурно доминировали в пределах определенных ландшафтных зон. Этническая география полуострова отмечала многовековое греко-римское господство в прибрежных районах Крыма, христианско-византийскую культуру горно-монастырских анклавов, прибрежную католическо-генуэзскую и венецианскую урбанистическую культуру, предгорно-степную культуру ислама, мультиландшафтную культуру славянских, а также иудейских общин.

Результаты Всеукраинской переписи населения 2001 года показали, что в пределах степной, предгорно-степной, лесной и прибрежной ландшафтных зон Крыма идут разнонаправленные этнические процессы: уменьшается доля русского и увеличивается крымско-татарское население. Причем уменьшение русских в степных районах Крыма было связано с их эмиграцией в Россию и страны дальнего зарубежья, а также переписыванием в момент переписи населения части русских Крыма в украинцев. Доля эмигрантов из Крыма в направлении России была в 2000 году максимальной среди иных географических направлений выезда, составляя 87,9 % общей численности выезжавших.

Пространственно рисунок локализации территорий с повышенной долей крымских татар в этнической структуре населения (свыше 25 %) не изменился по результатам российской переписи 2014 года. Кроме того, все регионы, вошедшие в ареал устойчивого проявления конфликтности, имели в означенный год положительное сальдо межрегионального (с регионами Украины и России) обмена. Статистика внутрикрымского миграционного обмена пока отсутствует. Но стабильность межрегиональной миграции в ареале устойчивого проявления конфликтности позволяет судить о сохранении привлекательности этой территории для мигрантов в целом.

Сосредоточение крымскотатарского населения в предгорных районах Крыма – это маркер их пространственной устремленности к возвращению в ландшафтную среду расселения горно-прибрежных территорий. Исторически сложилось так, что крымские татары занимали к началу XX в. наиболее комфортные в климатическом и гидрографическом отношениях участки крымского полуострова – предгорье и южнобережье. Лишившись их в результате депортации 1944 г., а также искусственного сдерживания местными властями процесса репатриационного расселения в начале 1990-х годов, крымские татары до сих пор не удовлетворены схемой их расселения преимущественно в степных регионах полуострова и при любой возможности покидают эти территории.

Меджлис нередко использовал фактор неудовлетворённости расселением крымских татар как дополнительный канал мобилизации их этничности, апеллируя к необходимости возврата людей не просто в Крым, а в тот район полуострова, откуда их выселяли в 1944 году, не учитывая того, что там уже прижились иные люди. Неудовлетворённость расселением породила в украинский период развития Крыма не только внутрирегиональные миграции крымских татар, но и конфликтные варианты захватов ими земельных участков в предгорных и приморских территориях Крыма.

Несомненным результатом исследований автора стало предположение о том, что *пространственным маркером риска политизации этничности в*

российском Крыму может быть не только ареал устойчивого проявления конфликтности, но и территории дисперсного расселения крымских татар. Это практически все те районы Крыма, которые не вошли в ареал устойчивого проявления конфликтности и расположены в пределах менее комфортных с точки зрения не только природных условий, но и возможностей ведения бизнеса в северных и восточных частях полуострова.

В районах дисперсного проживания крымских татар сохраняется актуальность возникновения конфликтности по поводу наделения их земельными участками. В силу дисперсности расселения земельная проблема может затрагивать здесь не только интересы крымских татар, но и другого населения. В таком случае конфликтность может действительно приобрести межэтнический характер. Интернационализация земельной конфликтности уже имела место в Крыму. В середине 2000-х годов 92 % самозахватов земельных участков в Крыму осуществляли крымские татары, а 8 % – представители славянского населения [14, с. 29]. «Славянские самозхваты», или «славянские антипикеты» возникали как варианты протеста против протестов крымских татар. Подобные формы конфликтного поведения стали в Крыму маркерами правового нигилизма и нарастания межэтнического напряжения.

На протяжении всех лет нахождения Крыма в составе Украины лидеры межджиса эксплуатировали миф о народе-изгнаннике, который не может получить землю на родине. В действительности проблема наделённости землей крымских татар выглядела иначе. Землю крымским татарам украинская власть давала сразу же после их массового возвращения в Крым в 1991–1992 годах [20]. Но земельная проблема в Крыму имела не просто количественное измерение, она прошла своеобразную ценностную эволюцию.

В первые годы возвращения крымских татар межджис ориентировал их на решение земельной проблемы, что называется, вширь. Осуществлялась практика захватов земли без разбора её назначения. Захватывались любые участки, в том числе и земли сельскохозяйственного назначения. Крымские власти шли на уступки и узаконивали такие первоначальные захваты. Так возникали первые городские микрорайоны «компактного проживания репатриантов»: Фонтаны, Каменка, Дубки в Симферополе, Исмаил-бей в Евпатории и др. Практически вокруг всех городов Крыма возникали такие микрорайоны, придававшие городским поселениям образы сёл. В дальнейшем, к концу 1990-х годов, когда на Украине началась земельная реформа, протестная активность крымских татар не просто усилилась, но приобрела избирательный характер: целью протестных акций становится наделение землёй исключительно на Южном берегу Крыма, в Симферополе и его окрестностях. Заметим, что подобные «привилегированные» земли захватывались даже для строительства мечетей. К концу 2013 года, по данным Рескомзема, крымским татарам было выделено 90 тыс. участков под индивидуальную застройку, из них более 10 % не осваивалось [14]. А к этому времени в Крыму насчитывалось от 60 до 70 тыс. крымскотатарских домохозяйств. Иными словами, земельная проблема для крымскотатарского народа была как будто решена, поскольку каждая семья имела к этому времени земельные участки не в одном, а в нескольких районах Крыма. Но самозхваты, подчиняясь логике саморазвития, уже решали задачу наделения землёй не только каждой крымскотатарской семьи, но и каждого её взрослого члена. Эта задача во

многим определила миграционное движение крымских татар в предгорные и южнобережные регионы Крыма.

После воссоединения с Россией правительство Крыма и российские власти твёрдо ведут борьбу с ликвидацией самозахватов, добиваются в судах сноса незаконных строений, выплаты компенсаций за этот снос на каждом из 59 захваченных участков, составляющих 1500 га земельной площади Крымского полуострова [20]. Создан реестр незаконно захваченных участков, составляются списки людей, действительно нуждающихся в земле. Это лишает эмигрировавший за пределы Крыма меджлис серьёзного канала воздействия на радикализацию крымскотатарской этничности. Ведь в случае успешного решения земельного вопроса в Крыму у лидеров меджлиса исчезнет эффективный механизм влияния на межнациональные отношения на полуострове.

Выводы

Подводя итоги проведенному исследованию, заметим, что проблема мобилизации этничности в Крыму намного глубже представленной автором версии. Процесс политизации этничности как сложная система компромиссов и решительных действий, связанных с переформатированием этнической идентичности под влиянием политических мифологем, внедряемых в сознание, затрагивает разные стороны жизни людей в полиэтничном регионе, которым является Крым. Пространственный аспект политизации этничности наименее изучен. Поиск географических оснований изучения мира конфликтности в глобализирующемся обществе – одна из актуализированных проблем отечественной общественной географии. Ее содержание заключено в стремлении внедрить в общественную географию принципы новой пространственности, основанные на представлении о том, что объектом географических исследований могут быть формы поведения людей, характеризующиеся внешней деструктивностью.

Риск политизации этничности, понимаемый автором как вариант актуализации накопившихся в обществе деструктивных напряжений, может проявиться в любой из доминирующих в Крыму этнических групп: русских, украинцев, крымских татар. Но после воссоединения Крыма с Россией славянская часть этнического сообщества практически реализовала свою социокультурную программу межэтнического взаимодействия и, по сути, готова предложить иным этническим группам принять интернационализированную форму идентичности: «мы – россияне». Для крымских татар, на протяжении двадцатилетия создававших в Крыму альтернативный русскому, а, следовательно, российскому, мир ценностных установок и этнических мифологем, наступило время выбора. От того, какой путь интеграции в социокультурное пространство России изберёт этот народ – конфронтационный или согласительный – зависит его дальнейшая судьба и судьба всего полиэтничного сообщества крымчан.

Таким образом, риск политизации этничности в Крыму имеет смысл изучать в контексте политических процессов, разворачивающихся в среде крымских татар и затрагивающих интересы всех народов, проживающих в регионе.

В Крыму не может формироваться идентичность «коренных» и «некоренных» народов, поскольку минувшее двадцатилетие оставило на

территории полуострова пространственные маркеры борьбы за укоренение. Такими маркерами стали *территории с устойчивым проявлением конфликтности*. Они формировались под влиянием национальной политики Украины, которая строилась в Крыму на противопоставлении интересов русских (крымских русских), стремящихся сохранить русский язык и связи с Россией, и крымских татар, позиционирующих себя «коренным» народом полуострова. Результатом такого противостояния стало постоянное присутствие конфликтов *ценностного и ресурсного* типов в этническом пространстве Крыма.

Актуальность возврата конфликтности в межэтнических процессах на Крымском полуострове нельзя приуменьшать. Сохранена социально-политическая база конфликтности. Крымские татары в условиях российского Крыма продолжают находиться под влиянием сегрегационной идеологии меджлиса. Лидеры этой организации изгнаны с территории полуострова, но традиция прислушиваться к их мнению в крымскотатарской среде осталась. Меджлис находится в поле влияния антироссийской политики украинского государства. Лидеры этой организации активно формируют образ России, разделившей татар. Разделение проходит на тех, кто остался в Крыму и позиционируется как пособник «оккупантов», и на «правильных» татар, покинувших полуостров или отказывающихся сотрудничать с российской властью. Внутриэтнический раскол будет нарастать и может дополниться межэтническим, если проблемы обустройства крымских татар, наделения их землёй, сохранения их культурного наследия будут осознаваться российской и крымской властью как сугубо крымскотатарские, не затрагивающие интересов других народов полуострова.

Литература

1. Абдураимов В. Э. Некоторые особенности этнических процессов в современном Крыму // Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы. – Симферополь, 2002. С.1–4.
2. Айбабин А. И., Герцен А. Г., Храпунов И. Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // Материалы по истории, археологии и этнографии Крыма. Вып. 3. – Симферополь, 1993. С. 211–222.
3. Всеукраинская перепись 2001 год [Электронный ресурс]. – URL: <http://archive.is/quJY7> (дата обращения 28.11.2016 г.)
4. Глезер О. Б., Колосов В. А., Петров Н. В., Стрелецкий В. Н., Трейвиш А. И. Самая политическая карта СССР // Московские Новости. 1991. № 11. С. 8–9.
5. Градировский С. Н. Россия и постсоветские государства: искушение диаспоральной политикой // Сетевой проект «Русский архипелаг» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.arhipelag/text\149htm> (дата обращения 1.11.2016).
6. Григорьянц В. Э. О некоторых особенностях развития социокультурной ситуации в Крыму // Пилигримы Крыма. Сб. науч. статей и материалов. Вып. 2 (7). Новая и новейшая история Крыма. – Симферополь: «Крымский Архив», 2003. С. 28–35.
7. Декларация о национальном суверенитете крымско-татарского народа [Электронный ресурс] // Документы Курултая татар Крыма (26–30 июня 1991

- г.). № 45–54. – URL: <http://kro-krim.narod.ru/LITERAT/TATARI/tatdekl.htm> (дата обращения 25.11.2016).
8. Зарубин В. Г. Об этнонациональном конфликте в Крыму (1918 г.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2. – Симферополь, 2001. С. 397–409.
 9. Ильин В. В., Ахизер А. С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. – М.: Изд-во МГУ, 2000. 304 с.
 10. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе /Федеральная служба государственной статистики. – М.: НИЦ «Статистика России», 2015. 279 с.
 11. Киселёв С. Н. Крымская русская идентичность как этнополитическая реальность // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «География». 2004. Т. 17 (56), № 4. С. 210–216.
 12. Киселев С. Н., Киселева Н. В. Размышления о Крыме и геополитике. – Симферополь: «Крымский Архив», 1994. 63 с.
 13. Киселева Н. В. Социологическое измерение угрозы межэтнического конфликта в Крыму // Вопросы развития Крыма. Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – Симферополь: СОНАТ, 2012. С. 139–145.
 14. Киселёва Н. В., Мальгин А. В., Петров В. П., Форманчук А. А. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы решения. – Симферополь: Салта, 2015. 352 с.
 15. Кислый А. Е. Историко-демографические предпосылки этноконфликтности // Межэтническое согласие в Крыму. – Симферополь: Доля, 2001. С. 108–120.
 16. Колосов В., Заяц Д. Приднестровский конфликт: сражение идентичностей. Урегулирование будет долгим и трудным // Официальный сайт «Независимой газеты» – URL:http://cis.ng.ru/opinions/2000-11-29/5_konflikt.html (дата обращения 05.11.2007).
 17. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. – М.: Аспект Пресс, 2002. 479 с.
 18. Мальгин А. В. «Русский Крым» в посторанжевой Украине: новые реалии – старые проблемы // Вопросы развития Крыма. Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – Симферополь: СОНАТ, 2012. С. 333–347.
 19. Мальгин А. В. Новое в самосознании этнических групп Крыма и перспективы крымского регионального сообщества // Межэтническое согласие в Крыму: пути достижения. – Симферополь, 2002. С. 75–91.
 20. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крымском федеральном округе. Экспертный доклад 2015 года / Ред. Тишков В. А., Степанов В. В. – Москва–Симферополь: ООО «Антиква», 2015. 88 с.
 21. Мироненко Н. С. Экологические проблемы в районах вооруженных конфликтов и войн: постановка проблемы // Проблемы геоконфликтологии. Т. 2. М.: «Пресс-Соло», 2004. С. 263–275.
 22. Мироненко Н. С., Денисенцев А. С. О политической геоконфликтологии как области географического знания // Проблемы геоконфликтологии. В 2 т. / Под ред. Н. С. Мироненко. – М.: Пресс-Соло, 2004. Т. 1. С. 12–24.

23. Мустафаев Ш. Е. Некоторые моменты этногенеза крымских татар // История и современность. 2007. № 1. С. 204–211.
24. Никифоров А. Р. Крымскотатарская карта разыгрывается из-за пределов Крыма [Электронный ресурс]. – Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2015/09/29/krymskotatarskaya_karta_razygryvaetsya_iz_za_predelov_kryma (дата обращения 29.11.2016).
25. Никифоров А. Р. Этнические процессы в современном Крыму // Этнография Крыма XIX–X вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы исследований. – Симферополь, 2002. С. 94–99.
26. Стрелецкий В. Н. Этнотерриториальные конфликты: сущность, генезис, типы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. – М., 1997. С. 225–249.
27. Туровский Р. Ф. Территориальное распространение этносоциального конфликта // Вестн. Моск.ун-та. Сер.5. География, 1992. – № 2. – С. 89–95.
28. Horowitz D.L. Ethnic Groups in Conflict. – Berkley, Calif.: University of California Press, 1985. 711 p.
29. Kriesberg L. Sociology of Social Conflict. Englewood. NJ: Prentice-Hall. 1977. P.17–18.

A. B. Shvets

The risk of polarization of ethnicity in Crimea

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy,
Simferopol, Russian Federation
e-mail: fusion10@mail.ru

***Abstract.** The article presents the results of studying the spatial markers of politicization process of ethnicity of the Crimean ethnoses. The influence of Slavic and Turkic socio-cultural projects on the appearance of contradictions in the Slavic-Turkic interethnic dialogue in Crimea is analyzed. It is substantiated that it is necessary to take into consideration the factor of ethnic split among Crimean Tartars to characterize the current interethnic contradictions in Crimea. The territories that mark the area of socio-cultural tension on the Crimean Peninsula have been singled out.*

***Key words:** ethnicity, risk, conflict, geography, Crimea.*

References

1. Abduraimov V.EH. Nekotorye osobennosti ehtnicheskikh processov v sovremennom Krymu // Ehtnografiya Kryma XIX – HKH vv. i sovremennye ehtnokul'turnye processy. – Simferopol', 2002. S.1-4.
2. Ajbabin A.I., Gercen A.G., Hrapunov I.N. Osnovnye problemy ehtnicheskoj istorii Kryma // Materialy po istorii, arheologii i ehtnografii Kryma. Vyp.3.- Simferopol', 1993. S.211-222.
3. Vseukrainskaya perepis' 2001 god [EHlektronnyj resurs]. - URL: <http://archive.is/quJY7> (data obrashcheniya 28.11.2016 g.)

4. Glezer O.B., Kolosov V.A., Petrov N.V., Streleckij V.N., Trejvish A.I. Samaya politicheskaya karta SSSR // Moskovskie Novosti. 1991. № 11. s.8-9.
5. Gradirovskij S.N. Rossiya i postsovetskie gosudarstva: iskushenie diasporal'noj politikoj // Setevoj proekt «Russkij arhipelag» [EHlektronnyj resurs]. - URL: <http://www.arhipelag/text/149htm> (data obrashcheniya 1.11.2016).
6. Grigor'yanc V.EH. O nekotoryh osobennostyah razvitiya cociokul'turnoj situacii v Krymu // Piligrimy Kryma. Sb. nauch. statej i materialov. Vyp.2 (7). Novaya i novejschaya istoriya Kryma. - Simferopol': «Krymskij Arhiv». 2003. S.28-35.
7. Deklaraciya o nacional'nom suverenitete krymsko-tatarskogo naroda [EHlektronnyj resurs] // Dokumenty Kurultaya tatar Kryma (26-30 iyunya 1991 g.). № 45-54. - URL: <http://kro-krim.narod.ru/LITERAT/TATARI/tatdekl.htm> (data obrashcheniya 25.11.2016).
8. Zarubin V.G. Ob ehtnonacional'nom konflikte v Krymu (1918 g.)// Bahchisarajskij istoriko-arheologicheskij sbornik. Vyp.2. – Simferopol', 2001. S.397-409.
9. Il'in V.V., Ahiezer A.S. Rossijskaya civilizaciya: sodержanie, granicy, vozmozhnosti. – M.: Izd-vo MGU, 2000. – 304 s.
10. Itogi perepisi naseleniya v Krymskom federal'nom okruge /Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. – M.:NIC «Statistika Rossii», 2015. – 279 s.
11. Kiselyov S.N. Krymskaya russkaya identichnost' kak ehtnopoliticheskaya real'nost' // Uchyonye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I.Vernadskogo. Seriya «Geografiya». 2004. T.17 (56). № 4. S.210-216.
12. Kiselev S.N., Kiseleva N.V. Razmyshleniya o Kryme i geopolitike. – Simferopol': «Krymskij Arhiv», 1994. – 63 s.
13. Kiseleva N.V. Sociologicheskoe izmerenie ugrozy mezhehtnicheskogo konflikta v Krymu // Voprosy razvitiya Kryma. Vyp.16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – Simferopol': SONAT. 2012. S.139-145.
14. Kiselyova N.V., Mal'gin A.V., Petrov V.P.,Formanchuk A.A. EHtnopoliticheskie processy v Krymu: istoricheskij opyt, sovremennye problemy i perspektivy resheniya. – Simferopol': Salta, 2015. -352 s.
15. Kislyj A.E. Istoriko-demograficheskie predposylki ehtnokonfliktnosti // Mezhehtnicheskoe soglasie v Krymu. – Simferopol': Dolya, 2001. S.108-120.
16. Kolosov V., Zayac D. Pridnestrovskij konflikt: srazhenie identichnostej. Uregulirovanie budet dolgim i trudnym // Oficial'nyj sajt «Nezavisimoj gazety»: - URL:http://cis.ng.ru/opinions/2000-11-29/5_konflikt.html (data obrashcheniya 05.11.2007).
17. Kolosov V.A., Mironenko N.S. Geopolitika i politicheskaya geografiya. – M.: Aspekt Press, 2002.- 479 s.
18. Mal'gin A.V. «Russkij Krym» v postoranzhevoj Ukraine: novye realii-starye problemy // Voprosy razvitiya Kryma. Vyp.16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – Simferopol': SONAT. 2012. S.333-347.
19. Mal'gin A.V. Novoe v samosoznanii ehtnicheskikh grupp Kryma i perspektivy krymskogo regional'nogo soobshchestva // Mezhehtnicheskoe soglasie v Krymu: puti dostizheniya. - Simferopol', 2002. C.75-91.

20. Mezhehtnicheskie otnosheniya i religioznaya situaciya v Krymskom federal'nom okruge. EHkspertnyj doklad 2015 goda / Red. Tishkov V. A., Stepanov V.V. – Moskva-Simferopol': ООО «Antikva», 2015. – 88 s.
21. Mironenko N.S. EHkologicheskie problemy v rajonah vooruzhennyh konfliktov i vojn: postanovka problemy / Problemy geokonfliktologii. T.2. M.: «Press-Solo». 2004. S.263-275.
22. Mironenko N.S., Denisenov A.S. O politicheskoy geokonfliktologii kak oblasti geograficheskogo znaniya // Problemy geokonfliktologii. V 2 t. / Pod red. N.S.Mironenko. – M.: Press-Solo. 2004. T.1. S.12-24.
23. Mustafaev SH.E. Nekotorye momenty ehtnogeneza krymskih tatar // Istoriya i sovremennost'. 2007. № 1. S.204-211.
24. Nikiforov A.R. Krymskotatarskaya karta razygryvaetsya iz-za predelov Kryma [EHlektronnyj resurs]. – Russkaya narodnaya liniya. Informacionno-analiticheskaya sluzhba. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2015/09/29/krymskotatarskaya_karta_razygryvaetsya_iz_za_predelov_kryma (data obrashcheniya 29.11.2016).
25. Nikiforov A.R. EHtnicheskie processy v sovremennom Krymu // EHtnografiya Kryma HIIH-HKH vv. i sovremennye ehtnokul'turnye processy./ Materialy issledovaniy. - Simferopol'. 2002. S.94-99.
26. Streleckij V.N. EHtnoterritorial'nye konflikty: sushchnost', genezis, tipy // Identichnost' i konflikt v postsovetskih gosudarstvah. – M., 1997. S. 225-249.
27. Turovskij R.F. Territorial'noe rasprostranenie ehtnosocial'nogo konflikta // Vestn. Mosk.un-ta. Ser.5. Geografiya. 1992. №2. S.89-95.
28. Horowitz D.L. Ethnic Groups in Conflict. – Berkley, Calif.: University of California Press, 1985. 711 p.
29. Kriesberg L. Sociology of Social Conflict. Englewood. NJ: Prentice-Hall. 1977. R.17-18.

Поступила в редакцию 13.09.2017 г.